

Специфика психологической готовности к материнству девушек-сирот

Миронова С. И.,

медицинский психолог отделения для не-
совершеннолетних, ГБУЗ «Магаданский
областной наркологический диспансер»,
Москва, Россия
s-zhelnova@mail.ru

В данной научной работе затронут вопрос психологических особенностей материнской сферы девушек-сирот. Цель работы – изучить особенности психологической готовности к материнству у девушек – воспитанниц интернатных учреждений. Согласно общей гипотезе у девушек-сирот психологическая готовность к материнству имеет особенности в связи с развитием в образовательной среде закрытых учреждений (на примере двух регионов: Магаданской области и г. Москвы). По результатам исследования, в котором приняли участие 135 девушек (65 воспитанниц интернатов/детских домов и 70, воспитывающихся в семьях), выявлены следующие особенности материнской сферы сирот: несформированность продуктивных (позитивных, реалистичных) моделей семьи, материнства, социального развития (профессионального развития, движения в обществе); идеализированность и стереотипность представлений об основных компонентах материнства (образы матери, себя как матери); развитость и конкретность операционального блока; неосознанность в жизненной перспективе своей роли матери.

Ключевые слова: девушки-сироты, материнство, готовность к материнству, ценностно-смысловой блок готовности к материнству, эмоционально-потребностный блок готовности к материнству, операциональный блок готовности к материнству.

Основная проблема исследования

Материнство является одной из основных ценностей и самосознания женщины, которая позволяет самореализоваться и пе-

режить опыт отношений со своим ребенком [2; 4; 6; 8; 14]. Однако есть категории девушек, формирование материнской сферы которых имеет качественные отличия, что влияет на все их материнство [1]. Особую актуаль-

Миронова С.И. Специфика психологической готовности к материнству девушек-сирот // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 89–97.

Mironova S.I. Specificity of psychological readiness for motherhood orphan girls. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2014, no. 1. P. 89–97.

ность проблема психологической готовности к материнству приобретает применительно к девушкам-сиротам в связи с развитием в особой социальной ситуации развития, в условиях институализации [3]. Исследователи, изучающие взросление в условиях психической депривации, признают качественное своеобразие детей в когнитивном развитии, в эмоционально-волевом развитии, в личностном развитии, в социальном развитии [5; 10; 11]. Такие особенности приводят детей-сирот к сильной дезадаптации и к проявлению психологических защит, фиксирующих деформации, полученные в интернате.

Рассматривая материнство как часть личностной сферы женщины (сложное психологическое образование), мы признаем его как стадию личностной и половой идентификации [8; 14]. То есть, анализируем материнство с точки зрения личностного развития женщины, психологических и физиологических особенностей разных периодов репродуктивного цикла. Материнская сфера является сложным личностным образованием женщины и состоит из трех блоков (Н.Н. Васягина, 2007; Г.Г. Филиппова, 2000): ценностно-смыслового (самопонимание), эмоционально-потребностного (самоотношение) и операционального (самореализация). Первый блок предполагает значимость компонентов материнства в структуре ценностей женщины, операциональный блок – совокупность знаний, умений по осуществлению материнской деятельности, а эмоционально-потребностный блок определяет отношение субъекта материнства к основным компонентам и самому процессу материнства.

Онтогенез материнской сферы, согласно сравнительно-психологическим материалам, структурирован и описан по этапам. Г.Г. Филиппова (2000) выделила четыре этапа развития материнской сферы в онтогенезе до беременности: этап взаимодействия с собственной матерью, игровой, этап нянчания, этап дифференциации мотивационных основ материнской и половой сфер. Все этапы имеют разные возрастные границы и разную роль в возникновении и развитии содержаний всех блоков материнской сферы (Г.Г. Филиппова, 1999, 2002). В зависимости от того, как проте-

кал каждый этап развития материнской сферы девушки (по всем блокам), ее представление имеет ту или иную содержательную наполненность и формирует психологическую готовность к материнству.

«Готовность к материнству», то есть психологически зрелая системная позиция девушки к появлению ребенка, является важным фактором положительного взаимодействия матери и ребенка, фактором успешной реализации матерью своих обязанностей и функций по отношению к ребенку. От психологической готовности девушки к материнству зависит протекание всего процесса материнства, отношение к ребенку, к себе как матери и т.д. В работах В.И. Брутман, (1994), Н.Н. Васягиной (2007), О.А. Копыл (1993), С.Ю. Мещеряковой (2000), Г.Г. Филипповой (1999) такое личностное образование исследуется с момента беременности или рождения ребенка, появления объекта материнства. В настоящем исследовании изучается успешность прохождения онтогенетических этапов формирования материнской сферы до беременности, и мы называем эту психологическую готовность к материнству «предготовностью» к материнству. Г.Г. Филиппова, исследуя психологические факторы нарушения материнства, рассматривала психологическую готовность к материнству как ведущий фактор адаптации к беременности и материнству [14]. В качестве составляющих психологической готовности к материнству автором были выделены: ценностно-смысловая готовность (важность материнства в системе ценностей девушки), эмоциональное принятие материнства (образов, матери, себя как матери, ребенка и семьи) и операциональная готовность (представление о функциях и действиях матери, их эмоциональная окраска).

Для исследования материнской сферы девушек-сирот была выдвинута общая гипотеза: психологическая готовность к материнству у девушек-воспитанниц интернатных учреждений характеризуется качественным своеобразием всех структурных компонентов: эмоционально-потребностного, операционального и ценностно-смыслового блоков.

Исследование материнской сферы девушек-сирот проводилось в 2010–2012 годах [4]. В выборку вошли девушки-воспитанницы интернатных учреждений и девушки, воспитывающиеся в семьях из Магаданской области и из г. Москвы. Общее число испытуемых – 135 (70 человек в контрольной группе и 65 в экспериментальной группе). В исследовании приняли участие девушки, не имеющие опыт беременности. Группы уравниены по уровню образования (общеобразовательные программы и программы средних профессиональных образовательных учреждений), возрасту (13–15 лет).

Были применены **методы диагностики** структуры и содержания психологической готовности к материнству по трем блокам: *эмоционально-потребностный блок* исследовался униполярным личностным семантическим дифференциалом А. Г. Шмелева, В. И. Похилько, А. Ю. Козловской-Тельновой на стимулы («ребенок», «мать», «я-мать», «отец», «родитель») [12] и самостоятельно разработанной анкетой для выявления качественных представлений о себе как о матери [9], карточной расстановкой родительской и будущей семьи испытуемых [15]; *операциональный блок* исследовался самостоятельно разработанной анкетой, направленной на изучение представления о выполнении материнских функций в жизни и в игровом опыте [9], а также наблюдением за выполнением испытуемыми операций матери с куклой-младенцем; *ценностно-смысловой блок* исследовался модифицированной методикой ценностных ориентаций М. Рокича (модификация заключалась в добавлении в список терминальных ценностей пункта «счастливое материнство») [16], тестом жизнестойкости С. Мадди под редакцией Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой [7], а также методикой рисуночных метафор «Жизненный путь» И. Л. Соломина [13].

В результате сравнения ценностно-смыслового блока материнской сферы девушек-сирот Магаданской области и г. Москвы значимых различий не найдено, и материнство в общей структуре ценностей одинаково мало значимо для них. Девушки одинаково видят материнство и создание семьи как ограничение в реализации собственных жела-

ний, что не дает лично самореализоваться и может вызывать негативное отношение к материнству, понимание трудной реализуемости семейных ценностей.

Найдены личностные различия между девушками-сиротами по результатам теста жизнестойкости, рисуночной методики «Жизненный путь» и связи ценностных ориентаций между собой. Так, девушки-сироты г. Москвы имеют большую убежденность, что в их силах что-то изменить в жизни, что они в силах вступить в борьбу и изменить свой жизненный путь, а также имеют стремление к возврату в прошлое, чаще видят жизненный путь как фазы, сменяющие друг друга. Девушки-сироты чаще находятся в состоянии гнева, раздражения, безразличия, им свойственна стереотипность, но и знание о разных выборах в жизни.

В эмоционально-потребностном блоке материнской сферы сравнение представлений о «матери» и о «себе как матери» в двух группах девушек-сирот является важным показателем отношений девушки с ее мамой в детстве. Если девушка попала в интернатное учреждение по вине матери (отказ, аддитивное поведение, в связи с чем ее лишили родительских прав), то образ самой матери остается идеализированным и стереотипным (рис. 1–2). Свой же образ «я-мать» схож с образом матери и не является индивидуальным для каждой девушки, а имеет набор желанных качеств. Чем больше времени девушка-сирота провела в интернатном учреждении, тем очевидней эта связь и неподвижность представлений. Девушки-сироты, потерявшие родителей в результате несчастного случая, смерти по причине болезни, имеют более дифференцированный свой образ матери в будущем.

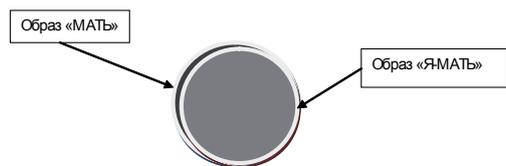

Рис. 1. Соотношение образов «мать» и «я-мать» девушек-сирот с большим опытом проживания в интернате или девушек, попавших в интернат по вине родителей.

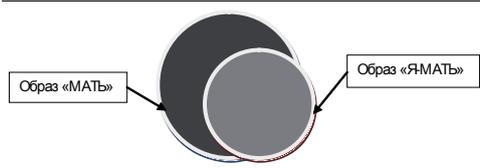

Рис. 2. Соотношение образов «мать и «я-мать» девушек-сирот с меньшим опытом проживания в интернате или девушек, попавших в интернат не по вине родителей (гибель, болезнь и т. д.)

Интересно, что девушки-сироты из Магаданской области чаще считают себя готовыми стать матерью ($p < 0.05$). В представлениях о структуре родительской семьи девушки из Москвы чаще включают дополнительных членов семьи, а в структуре будущей семьи, наоборот, исключают или демонстрируют разорванные связи.

В знании функций матери по уходу за ребенком различия между группами не найдены, однако девушки-сироты Москвы имеют больший опыт в пеленании детей, а сироты Магаданской области в гулянии с ребенком ($p < 0.05$). В игровом опыте в ролевые игры «дочки-матери» обеих групп различий не найдено.

При сравнении результатов исследования материнской сферы девушек-сирот и девушек из семей Магаданской области в ценностно-смысловом блоке материнской сферы материнство одинаково не является ведущей ценностью для обеих групп. Для девушек-сирот ведущими стали ценности сепарации по принципу удовольствия, для девушек из семей ценности самосохранения и социализации. Девушки из семей значимо жизнестойки ($p \leq 0.05$), в отличие от девушек-сирот. Можно сказать, что девушки-сироты данного региона не чувствуют удовольствия от того, что они делают, а ощущают себя отвергнутыми; чаще ощущают беспомощность и не готовы бороться; не могут воспринимать факты из своей жизни как опыт и извлекать из него полезный урок, поэтому преобладает чувство страха, и они не могут рисковать, идти к лучшему (Мадди, 1998). Возможно, это результат воспитательной системы интернатных учреждений, где девушки-сироты не получили должной поддержки в своих начинаниях от значимого взрослого.

По результатам методики рисуночных метафор «Жизненный путь» И.Л. Соломина, девушки-сироты проявили отстраненность и неуверенность, стереотипность ($p \leq 0.05$), при этом одинаково часто, как и девушки из семей, изобразили семью в будущем.

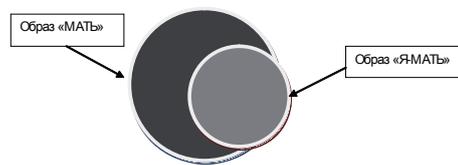

Рис. 3. Сопоставление образов «мать» и «я-мать» девушек из семей Магаданской области

Девушки-сироты и девушки из семей Магаданской области позитивно относятся к компонентам материнства, однако это отношение имеет свои особенности (рис. 1, 3). Образ «матери» у девушек-сирот нравственно положительно окрашен и социализирован, а девушек из семей характеризуют гендерные особенности матери и ее функции. Образ «себя как матери» у девушек-сирот недифференцирован, идеализирован и определяется их регулятивными и организационными качествами, связанными с высоким самоконтролем (необходимостью соблюдать множество правил, то есть как ограничение), а у девушек из семей наполнен качествами личного роста и комфорта. У девушек из семей образ «я-мать» не совпадает, как у девушек-сирот, образ индивидуален. Материнство для них – ответственный шаг, к которому они по многим качествам еще не готовы. Девушки-сироты значительно чаще в сравнении с девушками из семьи представляют себя матерью ($p \leq 0.01$). Девушки из семей имеют представление о приоритетах в семейных отношениях, где каждый этап сопровождается ритуалом (встреча – адаптационная фаза – решение о браке – жизнь в браке – рождение детей и т. д.). Такое восприятие поэтапных отношений позволяет естественно готовиться к следующему шагу, в том числе к рождению ребенка и его воспитанию. Девушки-сироты не считают заключение брака важной или обязательной частью, однако чаще видят и представляют себя матерью, что говорит, с одной

стороны, о размытости представлений стадий формирования семьи, с другой, о направленности девушек-сирот в сферу детско-родительских отношений, а не супружеских.

Девушки-сироты имеют больше нарушений в структуре родительской семьи (рассматривают только партнерские отношения ($p \leq 0.05$), включают дополнительных членов в семью ($p \leq 0.01$)) и в структуру будущей семьи (рассматривают только партнерские отношения ($p \leq 0.01$), демонстрируют тесные или слитые роли членов семьи ($p \leq 0.05$)). Представление о неустойчивых детско-родительских отношениях закрепились в семантической системе девушек-сирот. Особенностью восприятия структуры семьи для сирот является расширенная семья с включением дополнительных людей, которые берут на себя функцию кого-то из значимых членов семьи (дяди, тети, бабушки или малознакомые люди, в том числе сотрудники интернатного учреждения). Тогда семья для них остается открытой системой, не защищенной от вхождения в нее посторонних. Слитые роли в представлении о будущей семье являются демонстрацией нечеткого восприятия роли каждого члена семьи (матери, отца, детей и т.д.) у девушек-сирот, а также об усвоенной модели эмоционально-зависимых отношений.

Операциональный опыт выполнения материнских функций больше у девушек-сирот, а игровой опыт, наоборот, больше у девушек из семей. Это связано с семейным опытом воспитания в многодетных семьях, либо с вынужденной заботой о младших детях, а также с институциональным воспитанием, где есть разновозрастные группы. В игровом опыте девушки-сироты чаще выбирали и симпатизировали роли «матери» ($p \leq 0.05$), а девушки из семей в равной степени выбирали роли «дочери» и «матери». Так, наблюдается раннее стремление девушек-сирот к взрослой оберегающей позиции (ответственной) и сложности быть в роли ребенка.

Сравнение исследования материнской сферы девушек-сирот и девушек из семей г. Москвы не показали отличий в ценностно-смысловом блоке в важности материнства в общей иерархии ценностей двух групп.

Однако наблюдается схожая тенденция в большей значимости самостоятельности и свободы у девушек-сирот и социализации (личной и профессиональной эффективности) у девушек из семей. Жизнестойкость у обеих групп различий не имеет, кроме повышения по шкале «контроль» ($p \leq 0.05$), что демонстрирует значимо большее развитие убежденности в своих силах и возможности что-то изменить в жизни самостоятельно. Данный результат является противоположным тем различиям, которые выявлены при сравнении жизнестойкости выборки Магаданской области. Можно предположить, что повышенная жизнестойкость девушек-сирот по шкале «контроль» является особенностью образовательной среды интернатного учреждения Москвы. Поддерживающая и квалифицированная среда может стать основанием для развития самосознания и самопринятия девушек-сирот. Кроме того, важна причина, по которой девушка пребывает в интернатном учреждении. Если ее отношения с родителями не были нарушены девиантным поведением самого родителя, то ресурсы для развития жизнестойкости значительно больше.

Результаты методики «Жизненный путь» И.Л. Соломина [13] показали, что девушки-сироты проявляют защитную позицию: безразличие, дистанцированность и негативное отношение к окружению, сопротивление, затруднение в представлении временной перспективы. Девушки из семей больше проявили уравновешенность. Частота изображений будущего материнства на рисунках в обеих группах не имеет различий.

В эмоционально-потребностном блоке материнской сферы при сравнении данных девушек-сирот и девушек из семьи Москвы обнаружены следующие различия: все представления, кроме образа «отца», более разработаны и идеализированы у девушек-сирот. Представления о себе как о матери у девушек-сирот связаны с соблюдением социальных рамок и норм, у девушек из семей – с личностным развитием и комфортом. Однако присутствует некоторая дифференцированность и разница в образе «матери» и «себя как матери» в обеих выборках, как и у девушек из семей из Магаданской области (см. рис. 2).

Девушки-сироты значимо чаще считают себя готовыми стать матерью ($p \leq 0.05$). Представления о родительской семье чаще включают ($p \leq 0.01$) и исключают членов семьи ($p \leq 0.05$) или демонстрируют эмоционально холодные отношения. В структуре будущей семьи у девушек-сирот также исключение членов семьи встречается чаще ($p \leq 0.01$), чем у девушек из семей.

Операциональный опыт девушек-сирот значительно больше девушек из семей Москвы, а игровой опыт у данных групп одинаковый, однако, девушки-сироты чаще выбирали в ролевых играх «дочки-матери» роль «матери», а девушки из семей – «дочери».

В результате сравнения материнской сферы девушек-сирот и девушек из семей вне зависимости от региона показало следующие различия в ценностно-смысловом блоке материнской сферы: среди ценностей для девушек-сирот более значимы те, которые связаны с сепарацией и личностной свободой (принципом удовольствия), девушки из семей выделяют больше ценности социализации и эффективного выполнения своего долга. Девушки из семей имеют большую жизнестойкость, чем девушки из интернатных учреждений ($p \leq 0.01$). Девушки-сироты, в отличие от девушек из семьи, демонстрируют высокие механизмы защиты и имеют несформированную временную перспективу.

В эмоционально-потребностном блоке материнской сферы образы «мать», «отец» и «родитель» в группах схожи содержательно, однако девушки из семей имеют более дифференцированные и персонализированные образы. Образ «я-мать» у девушек из семей характеризуется качествами: «добрый» и «знающий» (остальные качества индивидуальны для каждой девушки). В группе девушек-сирот представление о себе как о матери состоит из десяти качеств, входящих в образ «матери» (рис. 1, 3).

Девушки из семей значимо меньше представляют себя матерью ($p \leq 0.01$). В сравнении структуры родительской и будущей семьи девушек-сирот и девушек из семей есть значимые различия: в структуре родительской семьи девушки-сироты чаще включают дополнительных членов семьи при $p \leq 0.01$ и исклю-

чают членов семьи или имеют разорванные (эмоционально отстраненные) связи ($p \leq 0.05$). В структуре будущей семьи девушки-сироты чаще выстраивают только партнерские отношения (в горизонтали) – при $p \leq 0.01$, имеют стертые границы между ролями (слиты фигуры) – при $p \leq 0.05$, а также исключают кого-то из членов семьи ($p \leq 0.01$). Сироты осознанно исключают близких (чаще родителей), которые причинили боль или стали причиной их пребывания в интернате. Пустующую роль исключенного члена девушки переключают на дополнительного члена семьи, взятого из расширенного круга (дяди, тети, бабушки, дедушки) или дальнего (крестные, знакомые, друзья и т.д.). Таким образом происходит компенсация выполнения функций в семье, что приводит к нарушению представлений об истинной структуре родительской семьи.

В представлениях о будущей семье девушки-сироты продемонстрировали важность партнерских отношений и недостаточный учет детско-родительских отношений (отсутствие распределения ответственности), стертые границы личности и очень тесные отношения или, наоборот, разорванные связи. Первое является причиной неувоенных позиций ребенка и родителя в опыте отношений девушек, два последующих нарушения связаны с компенсацией разорванных отношений (слияние) или их воспроизведение. Большинство нарушений структуры родительской семьи, которые мы выделили у девушек-сирот, переносятся ими в представления о своей будущей семье.

Согласно результатам анкетирования операционального опыта испытуемых, девушки-сироты значимо больше действий выполняли с маленькими детьми (все, кроме «обучения»). Игровой опыт значимо больше у девушек из семей ($p \leq 0.05$). Также есть различия в выборе роли: для девушек из семей – это роль «ребенка», для девушек-сирот – «матери».

По итогам группового занятия, целью которого было зафиксировать эмоциональные реакции девушек при выполнении операций матери с заменителем ребенка (куклой), экспертами выделены типы эмоций и их проявления. При статистическом сравнении с помощью критерия углового преобразо-

вания Фишера выявлены следующие различия: девушки-сироты значимо чаще проявляли чувство злости ($p \leq 0.01$); девушки из семей чаще демонстрировали смущение, стеснение, неловкость, а также чувствительность и удовольствие (при $p \leq 0.05$) при выполнении операций матери. Девушки-сироты переживают отрицательные эмоции при столкновении с ребенком и выполнении действий в роли матери, спонтанно демонстрируют эти эмоции. Накопленные обиды и злость снова реализуются даже в модели заботы о ребенке (выполнение операции матери с куклой).

Итак, операциональная осведомленность и опыт вводят в заблуждение саму девушку из интернатного учреждения, давая ей основания считать, что она уже готова к материнству. Об этом свидетельствует поверхностное понимание отношений матери и ребенка. То, что мать легко смогла отказаться от воспитания родного ребенка, стало для девушки-сироты серьезным основанием считать это нормой. Не имея личностной готовности, ориентированные на ценность удовольствия, идеализирующие себя и образы материнства, девушки-сироты не находят сил, чтобы воспитать ребенка и помочь ему социализироваться.

Таким образом, психологическая готовность к материнству является сложным личностным образованием, формирующимся в течение жизни женщины в отношениях с матерью, близкими, окружением. Структура мате-

ринской сферы включает три блока: ценностно-смысловой (самопонимание) – значимость компонентов материнства в структуре ценностей женщины, эмоционально-потребностный (самоотношение) – отношение субъекта материнства к основным компонентам материнства, и операциональный блок (самореализация) – совокупность знаний, умений по осуществлению материнской деятельности. Компоненты психологической готовности к материнству девушек-сирот имеют специфику, которая их отличает от девушек, воспитывающихся в семьях. Ценностно-смысловой блок характеризуется у девушек-сирот низкой жизнестойкостью, личностной инфантильностью и ценностными ориентациями, направленными на принцип удовольствия. Эмоционально-потребностный блок характеризуется идеализированными стереотипными представлениями о матери и о себе как о матери, убежденностью в своей готовности стать матерью, искаженными представлениями о структуре родительской и будущей семьи. Операциональный блок связан с большим опытом девушек-сирот в выполнении операций матери, при этом проявлением тревожно-злых реакций. В зависимости от опыта пребывания в интернатном учреждении у девушек-сирот проявляются более жестко фиксированные личностные защиты и большая идеализация будущей семьи и своего образа в ней по сравнению с девушками из семей.

Литература

1. Брутман В.И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 79–87.
2. Васягина Н.Н. Мать как субъект социокультурного пространства. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т., 2010. 340 с.
3. Егорова М.А., Миронова С.И. Образовательная среда интерната как фактор психологической готовности к материнству девушек-сирот // На пороге взросления / Под ред. Л.Ф. Обуховой, И.А. Корепановой. М., МГППУ, 2011. С. 238–248.
4. Егорова М.А., Миронова С.И. Психологическая готовность к материнству девушек, воспитанниц интернатных учреждений // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 79–87.
5. Кондратьев М.Ю. Социально-психологические особенности взаимоотношений подростков и педагогов в условиях детских домов и школ-интернатов для «социальных» и реальных сирот // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 143–153.
6. Копыл О.А., Баз Л.Л., Баженов О.В. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
8. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 47–72.
9. Миронова С.И. Специфика материнской сферы девушек-сирот / С.И. Миронова / Монография. Германия, Саарбрюккен. LAP Lambert Academic Publishing. 2012. 108 с.
10. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: депривационные нарушения в развитии ребенка. СПб.: Питер, 2006. 302 с.
11. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005. 400 с.
12. Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.
13. Соломин И.Л. «Жизненный путь»: методика рисуночных метафор (метод. рук-во). СПб.: ИМАТОН, 1997. 40 с.
14. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 240 с.
15. Хеллинггер Б. Порядки любви: разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. 395 с.
16. Шилов И.Ю. Фамилистика (Психология и педагогика семьи). Практикум. СПб.: «Петрополис», 2000. 220 с.

Specificity of psychological readiness for motherhood in orphan girls

Mironova S.I.,

Clinical psychologist, Department for Minors, Magadan Regional Drug Dependency Clinic, Magadan, Russia
s-zhelnova@mail.ru

In this work we discuss the psychological characteristics of the maternal sphere in orphan girls. The purpose of the study was to examine the characteristics of psychological readiness for motherhood in girls who are pupils of boarding schools. According to the general hypothesis, the psychological readiness for motherhood in orphan girls is particular due to the development in the educational environment of closed institutions (on example of two regions: Magadan and Moscow). According to the study, which was attended by 135 girls (65 pupils of boarding schools / orphanages and 70 brought up in families), we revealed the following peculiarities of maternal orphans sphere: lack in productive (positive, realistic) models of family, motherhood, social development (professional development, movement in society); idealizing and stereotypes about the main components of motherhood (images of mother, themselves as mothers), the development and specificity of the operational block; unawareness about life prospects of their role as mothers.

Keywords: orphan girls, maternity, motherhood readiness, value-semantic readiness for motherhood, emotional and needs readiness for motherhood, operational readiness for motherhood.

References

1. *Brutman V.I.* Vliyanie semejnyh faktorov na formirovanie deviantnogo povedenija materi [Influence of family factors on formation of deviant behavior of mother]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2000, no. 2. P. 79–87.
2. *Vasjagina N.N.* Mat' kak subject sociokul'turnogo prostranstva [Mother as subject of sociocultural space]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2010. 340 p.
3. *Egorova M.A., Mironova S.I.* Obrazovatel'naja sreda internata kak faktor psihologicheskoj gotovnosti k materinstvu devushek-sirot [Educational environment of a boarding school as factor of psychological readiness for motherhood of orphan girls]. Na poroge vzroslenija [On a growing threshold] / Pod red. L. F. Obuhovoj, I. A. Korepanovoj. Moscow: MGPPU, 2011. P. 238–248.
4. *Egorova M.A., Mironova S.I.* Psihologicheskaja gotovnost' k materinstvu devushek, vospitannic internatnyh uchrezhdenij [Psychological readiness for motherhood of girls, pupils of residential establishments]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2012, no. 4. P. 79–87.
5. *Kondrat'ev M.Ju.* Social'no-psihologicheskie osobennosti vzaimootnoshenij podrostkov i pedagogov v uslovijah detskih domov i shkol-internatov dlja «social'nyh» i real'nyh sirot [Social and psychological features of relationship of teenagers and teachers in the conditions of orphanages and boarding schools for «social» and real orphans] *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social psychology and society], 2012, no. 2. P. 143–153.
6. *Kopyl O.A., Baz L.L., Bazhenov O.V.* Gotovnost' k materinstvu: vydelenie faktorov, uslovij psihologicheskogo riska dlja budushhego razvitija rebenka [Readiness for motherhood: allocation of factors, conditions of psychological risk for future development of the child]. *Sinaps*, 1993, no. 4. P. 35–42.
7. *Leont'ev D.A., Rasskazova E.I.* Test zhiznestojkosti [Test of resilience]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p.
8. *Meshherjakova S.Ju.* Psihologicheskaja gotovnost' k materinstvu [Psychological readiness for motherhood]. *Voprosy psihologii* [Psychology questions], 2000, no. 5. P. 47–72.
9. *Mironova S.I.* Specifika materinskoj sfery devushek-sirot [Specifics of the maternal sphere of orphan girls]. Monografija. Germanija, Saarbrjukken. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 108 p.
10. *Oslon V.N.* Zhizneustrojstvo detej-sirot: deprivacionnye narushenija v razvitii rebenka [Living arrangement of orphan children: deprivational violations in development of the child]. St. Petersburg: Piter, 2006. 302 p.
11. *Prihozhan A.M., Tolstyh N.N.* Psihologija sirotstva [Orphanhood psychology]. St. Petersburg: Piter, 2005. 400 p.
12. *Serkin V.P.* Metody psihosemantiki [Psychosemantics methods]. Moscow: Aspekt Press, 2004. 207 p.
13. *Solomin I.L.* Zhiznennyj put': metodika risunochnyh metafor (metod. ruk-vo) [«Course of life» technique risunochnykh of metaphors (method. hands-in)]. St. Petersburg: IMATON, 1997. 40 p.
14. *Filippova G.G.* Psihologija materinstva [Motherhood psychology]. Moscow: Publ. Instituta psihoterapii, 2002. 240 p.
15. *Hellinger B.* Porjadki ljubvi: razreshenie semejno-sistemnyh konfliktov i protivorechij [Love orders: permission of the family and system conflicts and contradictions]. Moscow: Publ. Instituta psihoterapii, 2003. 395 p.
16. *Shilov I.Ju.* Familistika (Psihologija i pedagogika sem'i). Praktikum [Familistika (Psychology and family pedagogics). Practical work]. St. Petersburg: Petropolis, 2000. 220 p.